

АКТЫ ОРГАНОВ СУДЕБНОЙ ВЛАСТИ: РОЛЬ И МЕСТО В НАЦИОНАЛЬНОЙ ПРАВОВОЙ СИСТЕМЕ

Г. А. Василевич, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Республики Беларусь

Правовую систему можно рассматривать как совокупность: 1) юридических норм, принципов и институтов; 2) правовых учреждений и 3) правовых взглядов, идей и представлений, свойственных данному обществу. Таким образом выделяется соответственно нормативная сторона системы, а также организационный и идеологический элементы. Все они находятся во взаимодействии и, учитывая их интегральный «выход», мы можем в целом дать соответствующую оценку национальной правовой системы, имея в виду, что в ней могут быть как позитивные, так и негативные моменты, над устранением которых необходимо работать с учетом общецивилизованных подходов.

Создатель кибернетики Н. Винер определял самоорганизующиеся системы как «такие системы, которые способны при изменении внешних или внутренних условий их функционирования и развития сохранять или совершенствовать свою организацию с учетом прошлого опыта, сигналы в которой поступают по каналам обратной связи» [1, с. 142].

Правовая система будет именно системой тогда, когда она будет настроена на самосовершенствование. И основой для самовоспроизводства должна быть Конституция. Если в Конституции содержится соответствующий механизм самонастройки, значит она выполняет свою миссию.

Важнейшей задачей является упорядочение (ранжирование) актов с учетом их иерархии. Для успешного развития Беларуси как правового государства акты текущего законодательства должны составлять выстроенную на основе Конституции правовую пирамиду, где отсутствуют противоречия и пробелы. Приходится констатировать, что на практике существует немало противоречий между актами одного и различных уровней. Разночтения возникают не только в содержательном плане, болезненные проблемы возникают из-за временной рассогласованности.

Мы говорим о разделении властей, триаде власти, на вершине которой находится Глава государства и часто уделяем внимание проблемам взаимоотношений властей. Однако важно исследовать и внутреннюю композицию каждой ветви власти, в каждой из которых есть главный стержень, или каркас, при наличии которого можно сказать, выполняет ли та или иная власть свое предназначение. Некоторые авторы полагают, что для судебной власти присуще такое определяющее свойство, как объективность. По мнению В. Пастухова, независимость, несменяемость, состязательность - это только частные инструменты обеспечения объективности правосудия [2, с. 119]. Добиться объективности легче, если будет обеспечена гласность правосудия, прежде всего опубликование судебных постановлений и широкий к ним доступ.

Необходимо пересмотреть сложившуюся практику саморегулирования судебной власти. Прежде всего речь идет о признании судебного прецедента в качестве источника права. В то же время, признавая полезность разъяснений Верховного Суда и Высшего Хозяйственного Суда по вопросам судебной практики, имеющих характер субсидиарного толкования, их юридическое значение должно быть изменено. Одни ученые относят данные разъяснения к судебным прецедентам, другие - к такому виду источников права как нормативные акты подзаконного характера [3, с. 13-14; 4, с. 109-111; 5, с. 147]. По существу, речь идет об актах рекомендательного характера.

Е. Амбросимова, совершенно справедливо отмечает ошибочность того взгляда, в соответствии с которым в качестве источника права следует рассматривать только то, что признано в качестве такового законом, так как это не только не соответствует жизненным реалиям, но и не влияет на правовую природу соответствующего явления [5, с. 148].

Все большую актуальность приобретает вопрос о месте и роли судебного прецедента в правовой системе современного государства. Конечно, первичным для нашей национальной правовой системы является вопрос о признании судебного прецедента как правового явления: существует ли он, и если да, то какова его роль?

В белорусском праве пока, к сожалению, преобладает точка зрения, в соответствии с которой судебный прецедент не рассматривается в качестве источника права. Сторонники такого взгляда часто ссылаются на принадлежность правовой системы Республики Беларусь к романо-германской правовой семье, в которой якобы нет места судебному прецеденту. Однако эти доводы являются ошибочными. Действительно, для романо-германской правовой семьи характерно признание господства закона (первичности актов законодательства). В свою очередь, в рамках семьи общего права судебный прецедент имеет совершенно иной, более высокий статус по отношению к законодательству.

Одним из жестких противников идеи признания судебной практики в качестве источника права является известный российский ученый В. С. Нерсисянц. Он признает необходимость утверждения и развития судебной власти, но на основе и в границах соблюдения принципа разделения властей и необходимости соблюдения конституционно-правовой законности. В связи с этим В. С. Нерсисянц отмечает, что судебная практика не «источник права» в смысле судебного правотворчества, а реальность

действия, применения и защиты права... Судебная практика, не будучи правотворчеством, является одним из важных источников для правотворчества. Но последнее относится к полномочиям других властей» [6, с. 81].

Противники признания судебной практики как источника права высказывают следующие аргументы: 1) это противоречит принципу разделения властей; 2) в романо-германской правовой семье судебная практика не признается источником права; 3) идея признания судебной практики как источника права противоречит правотворческой деятельности парламента. М. Н. Марченко, который классифицировал указанные аргументы, приводит ряд заслуживающих внимания аргументов [7, с. 14-15], среди которых названы такие, как недопустимость абсолютизации принципа разделения властей, осуществление судебной правотворческой деятельности в строгом соответствии с законом. Действительно, можно привести примеры, когда не только суды «творят» право, но и судебные функции в той или иной мере выполняют иные инстанции (например, при амнистии или помиловании).

А. А. Белкин приводит один важный, хотя на первый взгляд и формальный контраргумент. Он указывает на такое сходство функций, как прекращение действия закона в результате судебного решения и отмена закона компетентным законодательным органом [8, с. 121]. В результате подобного «негативного» законотворчества судебное решение выступает в качестве источника права. В этом случае, по мнению А. А. Белкина, «судебное решение не объективирует юридическую норму, а, наоборот, как бы аннулирует ее или, по крайней мере, создает для этого легальные предпосылки» [8, с. 121].

Судебный прецедент представляет собой один из старых источников права. В этом отношении он является «ровесником» правового обычая. Сходство состоит в том, что они создаются путем неоднократного повторения, различие - в субъектах формирования. Таким образом, судебный прецедент старше закона.

Среди первых сторонников признания судебной практики как одного из источников права был С. И. Вильнянский. Ученый отмечал, что по мере накопления одинаковых решений вопроса складывается определенное правоотношение, которое входит в состав объективного права [9, с. 244], при этом он не признавал единичный судебный прецедент в качестве источника права. С. Л. Зивс, в свою очередь, полагал, что «и многократный судебный прецедент не создает у нас права. К тому же ведь возможна и такая ситуация, когда значительное количество одинаковых судебных решений является всего лишь простым актом применения нормы права» [10, с. 177]. При этом следует обратить внимание на то, что отрицая судебную практику как источник права, С. Л. Зивс использовал словосочетание «многократный судебный прецедент».

Все заметнее конвергенция двух основных правовых семей (англосаксонской и романо-германской), все активнее процесс их взаимопроникновения на европейском континенте. Это наглядно видно и на примере изменения роли прецедента в странах общего права, где прецедент все больше уступает, как справедливо отмечает Б. Н. Топорнин, под напором закона [11, с. 35-36].

На усиление процесса конвергенции и обретение все большего влияния статутов (законов) указывается в литературе.

Снижение роли прецедента в англо-саксонской правовой семье не означает отсутствия оснований для постановки вопроса о самостоятельной роли судебного прецедента в праве Республики Беларусь. Более того, в зарубежной практике государств, относящихся к романо-германской правовой семье, судебная практика отдельных инстанций закрепляется в качестве источника права. Так, во Франции решения Кассационного суда признаются источником права [12, с. 120], судебный прецедент широко используется также в административной юстиции, где главенствующую роль играет Государственный Совет. В законодательстве Испании предусмотрена правотворческая роль судебной практики Верховного Суда, в Германии - решений Федерального Конституционного Суда. Аналогичные подходы закреплены по отношению к некоторым судебным инстанциям в Нидерландах и Италии [13, с. 50-51]. Таким образом, отношение к судебному прецеденту претерпевает определенную эволюцию. В англо-саксонской системе права в связи с численным ростом статутов они доминируют в регулировании общественных отношений, все большее число дел рассматривается на основе закона. Это позволило И. Ю. Богдановской сделать справедливый вывод о том, что «в настоящее время в странах «общего права» судьи в основном занимаются толкованием статутов, и их деятельность, таким образом, связана с правоприменением» [14, с. 8]. По ее утверждению, судебное прочтение статута становится, в свою очередь, прецедентом, только так называемым прецедентом толкования. Указанный автор считает, что современное прецедентное право в основном развивается посредством прецедентов толкования как актов, основанных на законе, а не «чистых» прецедентов [14, с. 8]. Однако необходимо обратить внимание на тот факт, что и сама И. Ю. Богдановская, как следует из ее вывода, допускает существование и иных прецедентов, а не только прецедентов толкования.

В юридической литературе, преимущественно советского периода, если и шла речь о продукте деятельности судов как источнике права, то в качестве такового предлагалось рассматривать судебную практику.

В одном из современных изданий систематизированы точки зрения относительно места и роли судебной практики в национальном законодательстве России. (Учитывая сходство национальных правовых систем России и Беларуси, воспользуемся этим анализом.) Обращается внимание на три варианта оценок:

1) судебная практика рассматривается в качестве источника права только в той мере, в какой она находит отражение в руководящих указаниях высших судебных органов;

2) судебная практика признается источником права в полном объеме, включая результаты деятельности нижестоящих судов;

3) судебная практика вне зависимости от форм ее выражения источником права не является [13, с. 53].

Судебная практика характеризовалась в литературе как «вся судебная деятельность, воспринимаемая в ее типичных проявлениях. В этом плане судебная практика охватывает и среднестатистические сроки рассмотрения дел в судах, и принятые формальности в написании приговоров и решений или ведении протоколов судебных заседаний, и распространенность применения тех или иных санкций и т. п.» [8, с. 121].

С. Л. Зивс отмечал, что в отдельных случаях под судебной практикой имеются в виду как единичное судебное решение, так и несколько однообразных по своей конструкции интерпретационных решений суда первой инстанции. Однако можно ли считать это той судебной практикой, которая является источником права?

В. М. Жуйков применительно к российской правовой системе указывает две формы судебной практики, когда она выступает в качестве источника права: 1) постановления Пленума Верховного Суда о разъяснении судам возникающих в судебной практике вопросов; 2) официально опубликованные постановления Верховного Суда по конкретным вопросам [15, с. 82, 87].

Еще в советский период подчеркивалось, что разъяснения пленумов высших судов обладают известной степенью нормативности, хотя и не имеют необходимых структурных элементов нормы права [16, с. 25-26].

Как утверждает С. Л. Зивс, постановления Пленума Верховного Суда нельзя рассматривать в качестве «судебной практики» или «части судебной практики», так как сами постановления Пленума выносятся на основе обобщения, анализа судебной практики [10, с. 184]. Определенная логика в таком утверждении есть. Однако, вынося такие постановления, Верховный Суд подтверждает или отвергает ту или иную практику. При этом С. Л. Зивс отмечал сходство постановлений Пленума с нормативными актами, «нормативность» постановлений Пленума он усматривал в их автономном действии, что могло выражаться в сохранении их действия и в случае прекращения действия или отмены разъясняемого акта [10, с. 181].

А. Безина и В. Лазарев обращают внимание на то, что все нормотворческие органы осуществляют конкретизацию права. В этом процессе участвуют и суды, которые в процессе применения права конкретизируют общий масштаб нормы права. По их мнению, правоконкретизирующую деятельность судебных органов нельзя именовать правотворческой [17, с. 7].

Именно в связи с наделением конституционных судов (органов судебного конституционного контроля, а также органов административной юстиции, где они созданы) правом принятия решений о прекращении действия нормативных правовых актов можно говорить о новом этапе развития прецедентного права. В первую очередь это касается нормо-творческой функции соответствующих органов судебной власти. Сейчас нет необходимости доказывать наличие правотворческой функции у конституционных судов. Это общепризнанный факт, возражать против которого могут только те, кто исследованием данной проблемы не занимался либо исходит из корпоративных интересов.

Решения Конституционного Суда имеют особый статус среди актов органов судебной власти. Вне всякого сомнения, они являются источником права. Достаточно привести лишь один довод: заключением Конституционного Суда может быть признана не имеющей юридической силы норма любого акта законодательства. Независимо от последующей отмены признанного неконституционным актом органом, его принявшим, все равно он прекращает действие с момента, определенного Конституционным Судом. Более того, Конституционный Суд в связи с признанием проверенного акта неконституционным в целях недопущения пробела, при наличии которого могут наступить еще более неблагоприятные последствия, вправе сформулировать на основе конституционных принципов временную норму, которой должны руководствоваться правоприменители, в том числе и суды.

Конституционный Суд наделен правом проверять конституционность правоприменительной практики. Специфика полномочий Конституционного Суда заключается и в том, что он вправе проверить на соответствие Конституции акты Верховного Суда и Высшего Хозяйственного судов.

Конституционный Суд вправе также вносить предложения по совершенствованию актов законодательства, тем самым влияя на процесс правотворчества.

Решения Конституционного Суда имеют всеобщий характер и касаются всех аналогичных случаев судебной практики. Они не подлежат обжалованию, действуют непосредственно, не требуют подтверждения со стороны каких-либо органов или должностных лиц. Постановления Конституционного Суда, по мнению М. С. Студеникиной, имеют фактически прецедентный характер, поскольку они распространяют свое действие не только на рассмотренный Судом конкретный случай. Это орган власти формирует «модели подхода» к решению аналогичных вопросов в будущем» [18, с. 20].

Н. В. Витрук отмечает, что решения Конституционного Суда содержат специальные правовые нормы, юридическая сила которых равна юридической норме самой Конституции [19, с. 73].

На наш взгляд, «прецедент», созданный Конституционным Судом в силу его полномочий, выше иных «судебных» прецедентов.

Можно привести много примеров, когда судебная власть в лице Верховного или Высшего Хозяйственного судов формулирует общие правила, которым должны следовать все правоохранительные органы.

Сложнее обстоит дело с практикой иных судов. Судебная деятельность, касающаяся рассмотрения конкретных дел, относится к индивидуально-правовой деятельности, в результате которой может быть выработано устоявшееся положение о применении нормы права по аналогичным делам.

В соответствии со ст. 112 Конституции суды осуществляют свою деятельность на основе Конституции и принятых в соответствии с ней иных нормативных актов.

Практика показывает, что текущее законодательство часто содержит неясно сформулированные нормы.

Норма права определяет критерий необходимого правомерного поведения людей. Для определения того, как необходимо действовать субъектам права в той или иной ситуации, должна быть оценена вся совокупность обстоятельств. В некоторых случаях сам законодатель создает такую ситуацию, когда суды должны дать определение понятий. Например, в Уголовном кодексе не определялось содержание таких понятий, как «существенный вред», «тяжкие последствия», поэтому восполнять данный пробел пришлось судебной практике.

При осуществлении правосудия суд, сталкиваясь с пробелами или противоречиями в законодательстве, вынужден решать более сложную задачу - вынести единственно правильное (правовое) решение, основываясь на собственной интерпретации. Вынося решение по конкретному делу, суд вырабатывает определенный стандарт оценки фактических обстоятельств дела. Данное решение, являясь частным применением нормы, одновременно выступает и в качестве общего права [20, с. 30], приобретая такое свойство, как нормативность. В этой связи показательно, что, согласно Гражданскому кодексу Франции, ничто не может помешать привлечь судью к ответственности за отказ принять решение под предлогом неясности, недостаточности или молчания норм по соответствующему вопросу. Как отмечает В. М. Жуйков, суд в силу противоречивости и пробельности законодательства часто вынужден создавать (творить) право, в ином случае судебная защита будет не только неэффективной, но вопреки задаче защищать право будет способствовать его нарушению [15, с. 81].

По мнению Председателя Европейского суда по правам человека Л. Вильдхабера, существует множество причин следовать прецедентам, одной из которых является необходимость обеспечить правовую определенность и регулярное развитие прецедентного права [21, с. 5]. Так, Европейский суд по правам человека не только применяет Европейскую конвенцию по защите прав и основных свобод, но и сам формулирует общеобязательные требования. Сейчас уже не возникает споров об их легитимности.

Обратимся к этимологическому значению слова «прецедент». Прецедент (от латинского «предшествующий») - случай, который имел место ранее и служит примером при определении последствий случаев подобного рода.

Прецедентом можно называть такое решение суда, которое ранее не встречалось в судебной практике. Другое дело, будет ли такое решение источником права или «неправа», зависит от ряда обстоятельств. В том числе и от отношения к такому решению вышестоящих судебных инстанций: оставили они его в силе или нет. При наличии противоречивого подхода к разрешению споров судами вышестоящая судебная инстанция не вправе спокойно взирать на это, как в случае с применением сроков привлечения к административной ответственности или с определением понятия «должностного лица».

Если в советский период нормы разъяснялись постановлениями Пленума, которые были обязательными для исполнения, то и сейчас с повышением роли суда они сохраняют свое предназначение.

Анализируя российскую судебную практику, С. А. Иванов отметил специфические моменты, связанные с признанием постановлений Верховного Суда в качестве источника права: только постановления высшей судебной инстанции (Верховный Суд, Высший Арбитражный Суд) могут рассматриваться в качестве источников права; указанные постановления не обладают приоритетом по отношению к закону. При этом сделано очень важное замечание, с которым следует полностью согласиться: судебное постановление остается источником права, пока законодатель либо подтвердит данное постановление посредством принятия соответствующей нормы, либо примет иное решение [22, с. 117-118]. Применительно к белорусской судебной практике следует учитывать также право Конституционного Суда проверять конституционность актов Верховного, Высшего Хозяйственного судов.

Абсолютно прав А. А. Белкин, который утверждает, что «какой бы ни была нормативная самостоятельность постановлений Пленума, они неотрывны от закона, его интерпретации, каким бы ни был ранг закона или иного нормативного акта» [8, с. 123].

В литературе высказывается мнение о том, что постановления пленумов являются актами толкования, не имеющими самостоятельного значения. Так, А. С. Пиголкин считает, что они не могут применяться

отдельно от толкуемого акта [23, с. 70]. В литературе такой взгляд поддерживается лишь при условии, что «Пленум дает разъяснение посредством толкования, либо путем применения институтов аналогии закона и аналогии права при пробельности законодательства» [23, с. 70].

И. Ю. Богдановская справедливо, на наш взгляд, различает «правильные» и «неправильные» прецеденты. Для первых характерно декларирование права «более высокой судебной инстанцией, и если суд согласен, что декларация правильная, то прецедентное право не меняется». Что касается неправильных прецедентов, то судьи не следуют прецеденту, а исправляют ошибку предшествующих судов в изложении правовых норм [14, с. 8].

То, что судебная практика по конкретным делам может устанавливать новые нормы права, признает белорусский ученый В. Н. Бибило, справедливо полагая, эти новые нормы права не формулируются, а выводятся из существа принимаемого решения [24, с. 52].

На наш взгляд, судебный прецедент представляет собой казуальное толкование, постановление же Пленума, разъясняющее применение норм законодательства, представляет собой нормативное (делегированное) толкование. И первое, и второе являются источниками права. В силу полномочий Конституционного Суда проверять конституционность правоприменительной практики они могут быть предметом его рассмотрения на соответствие Конституции и актам законодательства. Однако, если постановление Пленума Верховного Суда может быть самостоятельным предметом изучения в Конституционном Суде, то отдельные судебные постановления желательно проверять на конституционность «в увязке» с конкретным актом законодательства, как это было, например, при вынесении Заключения от 14 июля 1998 г. «О соответствии Конституции Республики Беларусь частей третьей и четвертой статьи 123 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь».

Выше отмечалось, что при принятии Верховным Судом решения он разрешает конкретный спор и выносит обязательный для его сторон вердикт. В то же время данный частный случай применения права порождает общую, обязательную норму для нижестоящих судов и самого суда, вынесшего ранее решение, которым они должны руководствоваться при разрешении аналогичных дел. Такое решение несет в себе элементы нормативности, и Конституция Республики Беларусь допускает рассмотрение в Конституционном Суде подобного рода дел [25, с. 9].

Опасение, что признание судебного прецедента в качестве источника права может привести к признанию права Конституционного Суда проверять такие «прецеденты» на соответствие содержащихся в них общих норм Конституции, заставляет, на наш взгляд, некоторых авторов отрицать очевидный факт: прецедентное право существует также в нашей правовой системе, как, впрочем, и в романо-германской правовой семье. Вопрос лишь в его объеме, масштабах и месте среди источников права.

По нашему мнению, правильной является позиция, в соответствии с которой: а) судебный прецедент создает правовые положения, которые отсутствуют в нормативном правовом акте, и тем самым восполняет пробелы в законодательстве; б) судебный прецедент дает разъяснение (толкование) нормативного правового акта [13, с. 53].

В российской правовой литературе высказано суждение о том, что роль прецедента в российской правоприменительной практике играют не только постановления пленумов Верховного Суда и Высшего Арбитражного Суда о разъяснении судебной практики, но и обзоры судебной практики по отдельным категориям дел, кассационной или надзорной практики и т. д. [13, с. 53-54].

В определенной мере в белорусском законодательстве судебная практика официально признана государством, хотя можно спорить о формах ее проявления. В Конституции и Законе «О нормативных правовых актах Республики Беларусь» постановления Пленума Верховного Суда и Пленума Высшего Хозяйственного Суда признаны в качестве нормативных правовых актов.

Является ли прецедент тем источником, который неизменен либо который может изменить только законодатель? Л. Вильдхабер отмечает, что здесь не должно быть механических подходов. Для практики Европейского суда по правам человека характерно отклонение от ранее принятых решений по «убедительным основаниям», в частности, для обеспечения такого толкования Конвенции, которое отражает изменения в обществе и соответствует реалиям сегодняшнего дня [21, с. 6]. На примере деятельности не только британской Палаты лордов, но и судебных инстанций государств, относящихся к романо-германской правовой семье (Швейцарии, Германии, США), данный автор пишет о «пластичном» подходе к судебным решениям, являвшимся прецедентами. «Фактическое распространение судебного прецедента отвечает интересам правовой определенности, способствует единообразному решению сходных дел, что в конечном итоге повышает гарантии тех, кто ищет защиты у правосудия» [13, с. 61]. Обращается внимание и на то, что судебный прецедент - это наиболее гибкий механизм преодоления погрешностей законодателя, важное средство и источник защиты прав и свобод граждан.

В литературе сформулирована совокупность условий, при наличии которых судебный прецедент следует считать источником права, а именно:

«1. Полное либо частичное отсутствие нормативного регулирования определенных отношений, установленное в ходе судебного разрешения правового спора.

2. Оптимальное применение судом института аналогии для логического обоснования решения по делу и вступление данного решения в законную силу, т. е. признание его отвечающим целям правосудия. Под оптимальностью в данном случае подразумевается то, что решение: а) должно быть четко и ясно аргументировано, исходя из аналогичных правовых норм или общеправовых принципов (аналогия закона или аналогия права) и б) основываться на конкретных фактах, т. е. не отрываться от обстоятельств данного правового спора.

3. Наличие судебного правовоположения, официально опубликованного для всеобщего сведения. Под судебным правовоположением следует понимать правило общего характера, установленное высшими судами страны на основании обобщения судебной практики по разрешению споров с применением аналогии закона и аналогии права.

4. Наличие решения суда высшей инстанции, сформулировавшего такое правовоположение, где обращается внимание органа, в актах которого обнаружен пробел, на необходимость устранить его посредством издания специального нормативного правового акта (реализации права законодательной инициативы). Тем самым действие прецедента оказывается ограниченным во времени, т. е. это источник права временного действия (до издания нормативного правового акта компетентным органом, восполняющим пробел)» [13, с. 61].

На наш взгляд, некоторые из этих условий могут быть уточнены. В частности, создание судебного прецедента возможно при наличии не только пробела в правовом регулировании, но и противоречия между актами законодательства. В такой ситуации судебный орган обязан руководствоваться актом, обладающим более высокой юридической силой и соответствующим Конституции. Особую специфику при этом имеют решения Конституционного Суда Республики Беларусь. Сила «прецедента» данного органа конституционного контроля является более высокой, чем прецедента, созданного органами других подсистем судебной власти.

Кроме того, полагаем, что в качестве источника права выступает и та судебная практика, которая сформирована на «низовом» уровне - районными, городскими, областными судами, то есть не обязательно, чтобы решения рассматривались в Верховном Суде, но его позиция играет решающее значение для сохранения или продолжения сложившейся практики.

Судебный прецедент реально существует в правовой действительности Республики Беларусь. Он является источником права. Создает правовоположения, которые отсутствуют в актах законодательства, восполняя в нем пробелы.

Судебный прецедент, как и нормативный правовой акт, не является чем-то неизменным.

Признание судебного прецедента означает легализацию судейского права, способствует правовой определенности и имеет цель обеспечить единообразное решение сходных дел, а значит, обеспечивает конституционную законность.

Судебный прецедент представляет собой наиболее гибкий механизм преодоления погрешностей законодателя.

Судебный прецедент может быть создан судом любой инстанции, однако он приобретает более стабильный характер, когда «санкционирован» судом высшей инстанции соответствующей подсистемы судебной власти.

Список использованных источников

1. *Винер, Н.* Кибернетика, или управление и связь в животном и машине / Н. Винер. - М., 1958.
2. *Пастухов, В.* Российское правосудие: отделение от власти / В. Пастухов // Сравнит. конст. обозрение. - 2004. - № 4.
3. *Лившиц, Р.З.* Судебная практика как источник права / Р. З. Лившиц. - М., 1997.
4. *Наумов, А. В.* Уголовное право. Общая часть: курс лекций / А. В. Наумов. - М.: Бек, 1996. - 560 с.
5. *Амбросимова, Е.* Саморегулирование судебной власти: основания, содержание, тенденции / Е. Амбросимова // Сравнит. конст. обозрение. - 2004. - № 4.
6. *Нерсесянц, В.С.* У российских судов нет правотворческих полномочий / В. С. Нерсесянц // Судебная практика как источник права. - М., 2000.
7. *Марченко, М.Н.* Является ли судебная практика источником российского права / М. Н. Марченко // Журн. рос. права. - 2000. - № 12.
8. *Белкин, А.А.* Источники права и судебная практика в Российской Федерации / А. А. Белкин // Уч. зап. Вып. 8 / под ред. А. А. Ливеровского. - СПб., 2001.
9. *Вильнянский, С.И.* Значение судебной практики в гражданском праве / С. И. Вильнянский // Уч. тр. ВИЮН. - М., 1947. - Вып. IX.
10. *Зивс, С.Л.* Источники права / С. Л. Зивс. - М.: Наука, 1981. - 238 с.
11. *Топорнин, Б.Н.* Система источников права: тенденции развития / Б. Н. Топорнин // Судебная практика как источник права. - М., 2000.
12. *Общая теория государства и права: в 2 т. / под ред. М. Н. Марченко.* - М., 1998. Т. 2
13. *Роль судебной практики как источника права // Глобализация и развитие законодательства (очерки) / отв. ред. Ю. А. Тихомиров, А. С. Пиголкин.* М., 2004.

14. *Богдановская, И.Ю.* Судебный прецедент - источник права? / И. Ю. Богдановская // Государство и право. - 2002. - № 12. - С. 5-10.
15. *Жуйков, В.М.* К вопросу о судебной практике как источнике права / В. М. Жуйков // Судебная практика как источник права. - М., 2000.
16. Судебная практика в советской правовой системе / под ред. С. Н. Братуся. - М., 1975. - 324 с.
17. *Безина, А.* Конкретизация права и судебной практики / А. Безина, Б. Лазарев // Сов. юстиция. - 1968. - № 2.
18. *Студеникина, М.С.* Вступление федерального закона в силу: правовое регулирование и практика / М. С. Студеникина // Журн. рос. права. - 2000. - № 7.
19. *Витрук, Н.В.* Конституционное правосудие в России (1991-2001 гг.). Очерки теории и практики / Н. В. Витрук. - М., 2001.
20. Современное состояние российского законодательства и его систематизация // Государство и право. - 1999. - № 3. - С. 21-37.
21. *Вильдхабер, Л.* Прецедент в Европейском Суде по правам человека / Л. Вильдхабер // Государство и право. - 2001. - № 12. - С. 5-17.
22. *Иванов, С.А.* Еще раз по поводу судебных постановлений как источника трудового права / С. А. Иванов // Судебная практика как источник права. - М., 2000.
23. *Пиголкин, А.С.* Толкование норм права и правотворчество: проблемы соотношения / А. С. Пиголкин // Закон: создание и толкование. - М., 1998.
24. *Бибило, В.Н.* Правотворчество судей при осуществлении правосудия / В. Н. Бибило // Судовы весн. - 1997. - № 3. - С. 52-53.
25. *Василевич, Г.А.* Проблемы непосредственного действия конституционных норм о правах и свободах граждан Республики Беларусь / Г. А. Василевич // Обеспечение непосредственного действия конституционных норм о правах и свободах граждан: опыт, проблемы, перспективы: сб. докл. и тез. выступлений на науч.-практ. конф., 17 нояб. 1998 г. - Минск, 1998.